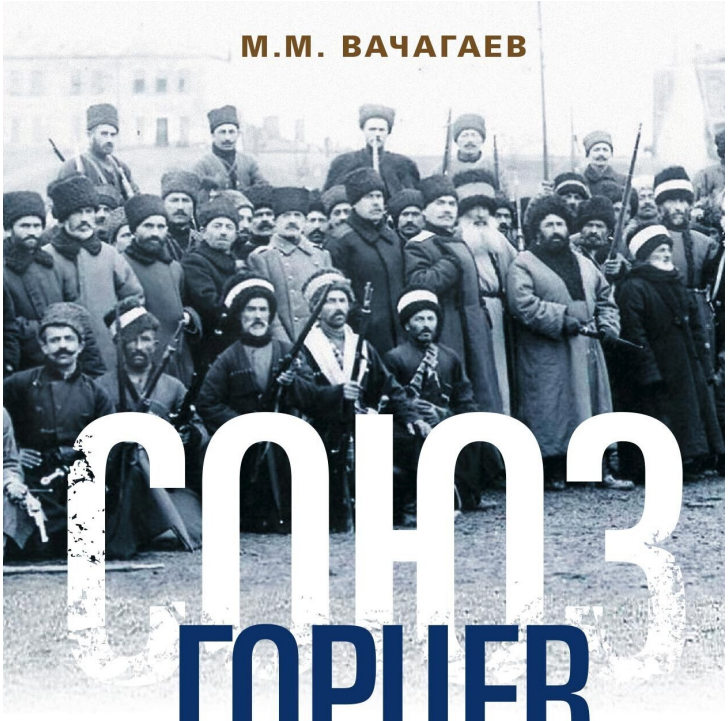
М.М. ВАЧАГАЕВ



СОЮЗ ГОРЦЕВ

СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ГОРСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ИСТОРИЯ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ГОСУДАРСТВА

1917–1920

Майрбек Момуевич Вачагаев

Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика. История несостоявшегося государства. 1917— 1920

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37943599
Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика. История несостоявшегося государства. 1917–1920: Центрполиграф; М.; 2018
ISBN 978-5-227-08322-7

Аннотация

Работа историка-кавказоведа, кандидата исторических наук М.М. Вачагаева посвящена одной из малоизвестных страниц новейшей отечественной истории – попытке создания независимого государства горцев Северного Кавказа в период Гражданской войны в России 1917–1920 гг. На большом архивном материале, в том числе на документах архивов Азербайджана, Грузии, Турции, Франции, России, автор проанализировал перипетии короткой, но бурной истории государственного образования горцев – одного из многих квазигосударств, образовавшихся на обломках Российской империи. В книге рассмотрены обстоятельства провозглашения

Горской республики, ее статус и политическая ориентация в дипломатическом и военном противостоянии между основными факторами интервенции и Гражданской войны в России, персональный состав руководства Республики, причины и последствия краха сепаратистского проекта на Северном Кавказе.

Содержание

Введение 7
Источниковая база исследования 22
Глава 1 23
Кавказ в свете международных отношений 23
Первая мировая война и распад Российской империи (1914–1917) 37
Общественно-политическая ситуация на Северном Кавказе накануне провозглашения Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана 41
Первый съезд Союза горцев Северного Кавказа 47
Конец ознакомительного фрагмента. 61

М.М. Вачагаев
Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика. История несостоявшегося государства. 1917–1920

© Вачагаев М.М., 2018
© «Центрполиграф», 2018
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

Введение

Говоря о регионе Северного Кавказа 1917 года[1], следует иметь в виду территорию Терской, Кубанской, Черноморской, Ставропольской и Дагестанской областей в рамках административно-территориального деления Российской империи на тот период. При этом Терская область в начале XX века – это не только территории современной Чечни[2], Ингушетии[3], Северной Осетии-Алании[4] и Кабардино-Балкарии[5], но и юг Ставропольского края[6], в частности район Кавказских Минеральных Вод, а также земли современного Дагестана – в лице отдельно существовавшего до 1921 года в составе области Хасавюртовского округа[7].

Касательно Дагестана в рассматриваемый период (1917–1921), следует иметь в виду только часть территории – севернее от Петровска и до Дербента на юге, без Хасавюртовского округа, без Кизлярского района Терской области и уж тем более без части Ачикулакского уезда Ставропольской области (часть земель Ногайской степи).

Упоминаемый в книге Кубанский край – это земли современных Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Краснодарского края. И наконец, Черноморская губерния[8] – это земли шапсугов по Черному морю и земли казаков кубанского казачества в

современных границах части Краснодарского края по берегу Черного моря.

При этом отдельно стоит рассматривать территории, населенные казачеством, как кубанским, так и терским[9], которые вступали в союз с горцами или разрывали с ними отношения, но имели свои социальные и политические структуры и существовали независимо как от горцев, так и друг от друга.

Частые изменения административно-территориальных границ, которые далеко не всегда совпадали с этническим расселением того или иного народа Северного Кавказа, приводили не только к обострению земельного вопроса (в первую очередь с казачеством), но и требовали изменения названия государственного образования[10]. Полное название Союза горцев на момент образования – Союз горцев Северного Кавказа, Дагестана, Абхазии, Закаталы и степных народов – мало кем употреблялось в период его существования. Впоследствии Союз лишился некоторых территорий, что повлекло за собой изменения в названии государства горцев.

История Союза горцев, несмотря на свою историческую скоротечность[11], тем не менее богата на многочисленные политические и военные события. Горская интеллигенция была представлена разнообразными течениями, однако она, безусловно, несла глубокий отпечаток российского влияния. Российская власть изначально стремилась создать из числа горцев именно пророссийскую элиту, чтобы оказывать

на горское общество влияние в духе российского самодержавия. Каким бы нелогичным это ни казалось, но именно та часть общественности, на которую рассчитывала Россия, оказалась в авангарде борьбы за самоопределение горцев. Течения, выступавшие за федерализацию и впоследствии отошедшие от этих взглядов и занявшие позицию за предоставление полной независимости от России, были представлены яркими историческими персонами, которые вышли на политическую арену региона из кругов немногочисленной горской интеллигенции, ориентировавшейся на кавказское единство. И наоборот, силы, отстаивавшие сохранение единства бывшей Российской империи в разных ее вариациях, чаще всего выступали в союзе с неместными, командированными в регион представителями России. Это касается сторонников большевиков и армии генерала А. Деникина.

Государственное образование горцев, ориентированное на полную независимость от России, является важным элементом для понимания общей истории кавказских государств, возникших вскоре после развала Российской империи и до победы власти большевиков на Кавказе. Оно стало возможным и потому, что в решении судьбы этой республики принимали участие не только сами горцы, но и их соседи по региону. В этом процессе были задействованы и страны, ранее не включавшие активно в зону своих интересов Кавказский регион (по обе стороны Главного Кавказского хребта)[12]. То есть наряду с привычными исторически сложив-

шимися игроками на кавказской арене – Россией, Персией, Османской империей – мы не можем не заметить и новых игроков, пытавшихся влиять на ситуацию на Северном Кавказе, в лице республик Закавказья: Азербайджанской Демократической Республики и Грузинской Республики – и стран Запада: Гер мании, Франции, Великобритании, Италии, Болгарии, Австро-Венгрии и даже США и Японии. Интерес с их стороны был вызван желанием завладеть быстро развивающимся в этом регионе нефтяным бизнесом и заодно обезопасить свои владения на Ближнем Востоке на фоне угрозы выхода к границам их владений немецкой армии.

Внимание к Кавказскому региону западные страны начали проявлять во второй половине XIX века, однако это скорее было связанно с поиском новых рынков. И здесь особая роль принадлежала нефтяному бизнесу. По этой причине к началу XX века в городах Батуми[13], Владикавказе[14], Грозном[15], Петровске[16], Баку[17] и Тифлисе[18] находились два десятка консульств различных стран мира, в том числе и удаленных от Кавказа, например США и Японии[19]. Уже в период противостояния Белого движения большевикам в 1918–1920 годах с целью политической и военной поддержки генералу Деникину и барону Врангелю появились консульства в Майкопе, Екатеринодаре, Новороссийске и т. д.[20]

Тем не менее Республика горцев Северного Кавказа, в отличие от Азербайджана, Армении и Грузии, не была у за-

падных стран, в числе фаворитов, которые были готовы принять в качестве новых государственных образований на Кавказе. И дело было не только в ее географическом положении, но и в том, что в первоначальный период своего существования горцы еще не могли определиться, с кем идти: с Россией или с закавказскими государствами[21]. То есть сама горская интеллигенция первоначально не была готова говорить о своих планах на будущее[22]. Идеи горских социал-демократов и социал-революционеров не так сильно различались, поэтому неудивительно, что порой они пытались координировать свои действия против общего врага. По сути, можно считать, что развал империи застал горскую интеллигенцию врасплох. Ей пришлось быстро наверстывать упущенное и переориентироваться с Петрограда на кавказский вектор строительства государства.

В силу того, что в крае в рассматриваемый период параллельно существовали сразу несколько государственных образований (Союз горцев Северного Кавказа, Юго-Восточный Союз, Советская Россия, эмират Узун-хаджи, деникинская Россия), максимальное использование архивных документов позволит воссоздать картину региона с различных позиций, без акцента на позицию какой-либо одной из политических сил в регионе, будь то большевики, националисты или приверженцы строительства исламского государства. Попытка рассмотрения одного аспекта государственного образования вне связи с другими приводит к односторон-

нему исследованию и мешает понять взаимосвязь отдельных исторических процессов, происходивших в этом регионе[23].

Стоит отметить, что в деле обретения независимости путем создания Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, нацеленного на автономию в составе новой России, горская политическая элита и духовенство допустили в 1917 году многочисленные просчеты. Националистическое крыло горской интеллигенции не доверяло духовным лидерам и пыталось все время дистанцироваться от них. Но духовные лица были более авторитетны в глазах народа, чем политики новой волны. К слову шейха относились как к чему-то святому, в то время как светскому политику приходилось доказывать свою правоту и свою идею. Вчерашние чиновники или военнослужащие царской России были вынуждены заново завоевывать положение в обществе. Поэтому националистическое крыло горских политиков постоянно находилось в состоянии конфронтации с мусульманскими духовными лидерами. Россия не могла позволить себе отпустить регион, с таким трудом завоеванный в период колонизации. Экономических расчетов со стороны России здесь не было. Вопрос стоял о развале самой империи. Поэтому и власть российских большевиков в 1917 году оценивала ситуацию с точки зрения сохранения территориальной целостности. Для горцев смена политической системы в Петрограде практически не имела значения, так как никакая российская власть не выпустила бы горцев из-под своей власти. Определенную роль в этом

играли большевики кавказского происхождения[24], которые формировали общее отношение центральной власти к Кавказу и выступали за сохранение границ бывшей империи.

В итоге Горское правительство хоть и было сформировано, но не могло полноценно функционировать. Горская республика вынуждена была вести борьбу не только с большевиками, но и с реваншистскими планами российских монархистов. Так, генерал Антон Деникин, пытаясь обезопасить себе тыл и поддержать в регионе казачество, являвшееся основным его союзником в борьбе против большевиков, решил сначала покорить юг страны и только потом уже нанести основной удар по центральной и северной части России.

Следует иметь в виду также мнение религиозной части населения, которая так и не пошла на соглашение ни с большевиками, ни с меньшевиками и не понимала, чего хочет местная политическая светская элита, которая не могла внятно изложить свою программу. Она не смогла объяснить преимущества своего плана развития по сравнению с планами белогвардейцев и большевиков. И уж тем более горцам трудно было понять, почему их политическая элита выступает против мусульманской верхушки. В этом плане важно обратить внимание на все еще малоизученную роль суфийских шейхов: Узун-хаджи, Али Митаева, Али-хаджи Акушинского, Сугаип-муллы и др.[25] Благодаря их усилиям удалось не только оказать достойное сопротивление белым, мобилизовав для этого население Чечни, Ингушетии и Дагестана, но и

разбить армию Деникина на территории Чечни и Дагестана.

Исторически обоснованно говорить о существовании Республики Союза горцев оправданно с марта 1917 по март – май 1920 года. С большой натяжкой возможно раздвинуть границы изучаемого вопроса до падения Грузинской Демократической Республики в марте 1921 года – оно поставило окончательную точку в вопросе возможного перелома ситуации в регионе в пользу антибольшевистской коалиции (союз горцев с азербайджанцами и с грузинами). Но на самом деле скорее можно говорить об *идее* Горской республики, а не о самом государстве как таковом.

Не совсем корректно, видимо, было бы согласиться с утверждением известных исследователей, что следует разделять период существования Союза горцев Северного Кавказа и период Горской республики как двух разных институтов самоорганизации горцев[26].

Советская историография изучаемого периода чаще всего не конкретизирует, с кем кооперировались большевики против армии Деникина[27]; против кого велась борьба Союза горцев до момента окончательного утверждения власти большевиков в 1920 году; кем были арестованы лидеры большевиков в Дагестане; с кем велись переговоры Османской империи в Батуми с марта по апрель 1918 года; кого признавала Германия в качестве Республики горцев; с кем в 1919 году вели переговоры Деникин и англичане, требовавшие отказа от политики независимого существования кавказских госу-

дарств; как назвать деятельность до февраля 1921 года миссии Горской республики в Грузии, координировавшей разрозненные силы горцев по всему Северному Кавказу и Закавказью. И все это на фоне многочисленных работ об иностранном вмешательстве в дела Северного Кавказа стран Европы, Турции и Грузии[28].

Начальную дату не стоит разделять между Союзом горцев и самой Горской республикой, так как сами участники Союза горцев и приняли решение о трансформации его в Горскую республику. То есть Республика горцев Северного Кавказа не была новым игроком на региональной политической карте, Союз горцев был ее первоначальным образованием, фундаментом для ее строительства. Горская республика возникла не на распаде или на основе новых территориальных изменений, а на базе Союза горцев. На его базе и происходит трансформация в более высокую степень политического развития – Республику горцев Северного Кавказа.

Окончательную дату ликвидации Республики горцев Северного Кавказа следовало бы обозначить периодом март – май 1920 года. Именно в это время происходит захват политического органа Республики горцев Северного Кавказа и Дагестана – Совета обороны, силами, ориентированными на большевиков. Эти действия большевиков де-факто полностью дезорганизовали все институты Горской республики (кабинет министров, представителей Союза меджлиса, газету «Независимый Горец»[29]).

Основное внимание в работе будет уделено именно этому периоду. Но и после установления советской власти на бывшей территории Республики Союза горцев члены ее правительства в изгнании продолжали свою работу в Тифлисе, что позволяет формально расширить данную тему исследованием деятельности горской эмиграции. В первую очередь нужно иметь в виду период с мая 1920 по февраль 1921 года, когда политики Горской республики продолжали надеяться на изменения в регионе в пользу антибольшевистского союза. Однако падение Грузии в начале 1921 года стало знаковым, и все, кто был связан с идеей независимости горцев от России, вынуждены были эмигрировать из Тифлиса в Стамбул (уже оттуда часть активистов, ориентированная на помощь стран Европы и США, направились на Запад).

Тема истории Республики горцев Северного Кавказа остается актуальной в кавказоведении на сегодня в силу многих причин. В первую очередь потому, что в Советском Союзе история Республики горцев Северного Кавказа и Дагестана принципиально игнорировалась, или в силу ее восприятия как антисоветской о ней высказывались как бы между прочим[30]. Неудивительно, что в Советской исторической энциклопедии можно было найти буквально несколько строк о Республике горцев Северного Кавказа, где указывалось, что это «антисоветская организация на Северном Кавказе (Владикавказ, май 1917 – март 1918, затем в Тифлисе, руководители – Р.Х. Капланов, А.-М.О. Чермоев и др.)»[31]. Имен-

но данное определение и стало основой для многих постсоветских энциклопедических ресурсов[32]. Отдельные исследователи советского[33] и постсоветского[34] периодов старательно пытались обойти стороной сам факт существования этой республики.

Понадобилось десять с лишним лет после развала СССР в декабре 1991 года, чтобы в современной России начали появляться научные исследования, посвященные истории Республики горцев Северного Кавказа. В том числе сборники документов, диссертации, научные статьи, что позволяет утверждать, что данная тема выходит из полузабытого состояния и становится достоянием обширных кругов учителей, студентов и специалистов, интересующихся историей региона[35]. Однако все еще доминирует традиция преподносить данный период истории горцев Северного Кавказа как победу большевиков над меньшевистскими и монархистскими движениями, пытавшимися воссоздать Российскую империю. Что, безусловно, сужает тему и не дает читателю понять, почему большевикам понадобилось три с лишним года, чтобы заявить о полной победе в этом регионе над противостоящими им силами, хотя они якобы не были игроками на политической арене региона в изучаемый период.

За последние десятилетия в России издан ряд монографий, которые позволяют взглянуть на все, что происходило в регионе после распада Российской империи, с позиций раз-

личных источников, представлявших противоборствующие стороны[36]. Отрадно, что общество понемногу меняет свое отношение к тем, кто волею судьбы оказался за рубежом и выступал против политики большевиков. Политические деятели Республики союза горцев Северного Кавказа предстают в роли писателей, поэтов, историков, журналистов, это позволяет пересмотреть стереотип «врага, который с Запада пытался уничтожить страну». Однако это также всего лишь часть правды. Те, кто пишет о той или иной персоне Республики горцев Северного Кавказа, пытаются скрыть некоторые моменты их биографии, стыдятся их взглядов на Вторую мировую войну, что может ввести в заблуждение читателя. Читатель обязан получить всю информацию от исследователя, а не часть, выбранную им самим, даже исходя из его лучших побуждений.

При любом раскладе стоит исходить из того, что история горцев Северного Кавказа есть составная часть общекавказской культуры. И без понимания того, что происходило на Северном Кавказе, невозможно составить общее представление об истории всего Кавказа. Все, что мы имеем сегодня, – это неполнота общей картины развития ситуации после распада Российской империи. Отрывочность знаний, фрагментарность в подаче материалов (сборник документов по Азербайджану, сборник документов по истории Грузии, сборник документов по Северному Кавказу) дают прерывистую картину, а не полноценное отражение ситуации. Для

тщательного исследования этого периода в истории горцев Северного Кавказа широкому кругу читателей необходимо предоставить весь массив документов из разных источников. Поэтому неудивительно, что уход коммунистической идеологии, то есть развал СССР в 1991 году, способствовал появлению новой волны публикаций по этому периоду[37]. Но даже этого катастрофически мало по сравнению с тем, что хранится по исследуемой теме в архивах различных стран мира.

При всей своей актуальности данная тема совершенно не нашла должного освещения в зарубежной историографии[38]. Ее рассмотрение проходило под углом российской истории, и не более. Исключение составляют сами горцы, оказавшиеся за рубежом и пытавшиеся анализировать причины своего поражения в борьбе с большевиками.

Исходя из этого следует определить ряд первоочередных проблем исследуемой темы:

1. Определение места и роли в общей истории Кавказа истории Республики горцев Северного Кавказа.

2. Движение Деникина и позиция горской элиты по формированию своей государственности.

3. Национальная элита горцев и исламское духовенство: союз и противостояние.

4. Роль и место мусульманского духовенства Северного Кавказа в период противостояния национальной элиты советскому и деникинскому вторжению.

5. Определение причин, приведших к развалу республики.

6. Горская республика в контексте общей кавказской политики Германии, Турции, Великобритании, Франции и России.

7. Противостояние в среде горской элиты в вопросе о будущем Горской республики Северного Кавказа (полная независимость, конфедеративные отношения с Россией, Грузией и Азербайджаном, федеративные отношения с Россией).

8. Большевизация региона и выход Советской России на Южный Кавказ.

9. Проблемы горской эмиграции в странах Запада (1921–1945).

Начав с лозунгов о федерализации Российской империи в мае 1917 года, горцы вышли на требование признания независимости их государства от бывшей империи в мае 1919 года; побудительным мотивом смены варианта сосуществования с Россией стали разгон Учредительного собрания в Петербурге большевиками и ожесточенное военное противостояние между политическими силами в России. Немаловажно понять, почему стремление построить единую Горскую республику с частью терского казачества не достигло цели и почему Советская власть предпочла образование в регионе отдельных национальных республик.

Особо стоит подчеркнуть, что историю эмирата Северного Кавказа Узун-хаджи стоит рассматривать не отдельно от

истории Союза горцев Северного Кавказа, а параллельно ей, в силу многих причин, сопровождавших их совместную деятельность. Шейх Узун-хаджи, несмотря на скоротечность государственного образования, созданного им, был активным участником многих событий, происходивших в регионе до провозглашения им своего эмиратства.

Источниковая база исследования

Источниковая база исследования содержит широкий пласт малоиспользованных и совершенно неизвестных ранее документов горской эмиграции из архивов Франции, Германии и Великобритании. Некоторое количество документов относится к горско-мусульманскому движению в регионе Северного Кавказа. Далее по степени изученности следовало бы назвать те фонды документов, которые связаны с горской элитой, выступавшей за создание независимого государства. Личные архивы тех или иных деятелей из числа последователей идеи образования Республики горцев Северного Кавказа рассредоточены как в республиканских архивах на Северном Кавказе, так и в странах Закавказья, и в местах их активной политической деятельности в период эмиграции (Европа, Турция, Иран, США).

Большой пласт документов, связанных с деникинским движением в регионе, опубликован, будучи извлеченным из заграничных фондов, также и из отечественных хранилищ, в трудах российских исследователей Белого движения в России. И наконец, документы, относящиеся к деятельности большевиков, имеют самую широкую базу публикаций и возможности использования в открытом доступе.

Глава 1
Горцы Северного Кавказа накануне и после распада Российской империи (1917)

Кавказ в свете международных отношений

Несмотря на обилие работ по истории кавказских народов, того или иного региона Кавказа и отдельно взятого исторического периода, в российской, советской и в целом в мировой историографии крайне не хватает фундаментальных работ по истории Кавказа и его народов в целом. А это позволило бы узнать о событиях в регионе в контексте того, что происходило во всем крае и в близлежащих странах. Как отражалась политика сверхдержав на истории и народах края, как тот или иной народ соучаствовал в том, что происходило у его соседей, как события в одной стране отражались на событиях в других странах региона? Почему та или иная европейская или азиатская держава делала ставку на ту или иную страну Кавказа? То есть для того, чтобы хотя бы поверхностно понять историю края, необходимо читать де-

сятки, сотни работ по каждой стране или каждому народу Кавказа, но нет возможности узнать общие контуры истории Кавказа в свете политики мировых держав по отношению ко всем народам Кавказа одновременно, а не только к отдельному региону или этносу.

Положительным исключением являются отдельные исследования, посвященные роли Кавказа во внешней политике России или Турции[39]. Если первоначально Кавказ был интересен в силу его географического положения (караванные пути из Азии в Европу), то впоследствии, в конце XIX и в начале XX века, регион приобретает стратегическое значение, становится объектом пристального внимания со стороны ведущих мировых держав, поскольку все ближе к нему становились территории, подконтрольные им на Ближнем Востоке и в Азии.

Кавказ только во втором тысячелетии перенес многочисленные набеги армий различных стран мира: он становился ареной татаро-монгольского нашествия, оборонялся от воинов Великого Тимура, пережил походы и персидских шахов, и османских султанов. И конечно же в этом ряду – колонизация Кавказа Российской империей в XVIII–XIX веках.

Своего рода рубежом в историческом процессе колонизации территорий Кавказа Россией необходимо считать Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 года, подписанный по итогам Русско-турецкой войны 1769–1774 годов, который подтвердил права России на Кабарду и Азов с приле-

гающими к нему территориями.

Их зависимость от России должен был определить крымский хан, так как считалось, что именно он находится в тесном контакте с народами, населяющими Кубанский край, и может представлять их интересы. В данном случае речь идет о территории Северо-Западного Кавказа, но его влияние, даже номинальное, ни в коем случае не распространялось на Северо-Восточный Кавказ. Этому договору суждено было просуществовать всего лишь девять лет: в 1783 году, с ликвидацией Крымского ханства, к России отошли и все формально подвластные ему прикубанские владения. «Тем самым, – отмечал А.В. Фадеев, – был завершен длительный, растянувшийся на двести с лишним лет процесс присоединения к России степного Предкавказья»[40]. На пути к границам Северного Кавказа Россия расправилась с ногайцами, которые не согласились с решением крымского шаха Гирея отказаться от своей власти в пользу российской императрицы. При этом тот факт, что вассал Османской империи шах Гирей не передал власть Порте, что было бы логично, поскольку он был ее подданным, а принял присягу на верность императрице российской, говорит о давлении, которое на него оказывалось князем Г.А. Потемкиным[41]. Это было вызвано и общим ослаблением внимания Османской империи к территории, охваченной социальными потрясениями[42]. Переход Крыма под юрисдикцию России подвиг ее к активиза-

ции действий на южном направлении – в сторону Главного Кавказского хребта, Россия уже считала себя готовой к освоению новых земель к востоку от Крыма.

Наряду с успехами в Предкавказье Россией были достигнуты соглашения с Грузией, которая, опасаясь угроз со стороны Персии и Османской империи, решилась перейти в вассальную зависимость от российской короны. По Георгиевскому трактату 1783 года[43] Картли-Кахетинское царство (так называемая Восточная Грузия) добровольно приняло протекторат России[44]. Для России это было важно, так как позволяло на территории Картли-Кахетии иметь базу для постоянного нахождения войск, что не могло не обеспокоить Персию и Османскую империю[45]. Несмотря на обязательство России сохранить корону царя Картли и Кахети за грузинскими наследниками царя Ираклия, это стало началом подчинения Грузии российскому престолу.

Таким образом, к концу XVIII века южная граница России непосредственно соприкоснулась с территорией, населенной горскими народами Кавказа. Следует отметить, что еще ранее российскими властями использовались невоенные формы колонизации северокавказских земель – путем создания казачьих, крестьянских и помещичьих поселений[46].

Одновременно, в периоды спокойствия на западных окраинах империи и в перерывах между войнами с Османской империей, Россия предпринимает активные шаги, способ-

ствующие укреплению ее позиций как на Северном Кавказе, так и в Закавказье. В рескрипте российского императора на имя командующего Кавказской линией генерала от инфантерии графа Гудовича от 5 января 1797 года по существу были сформулированы ближайшие стратегические задачи: «…Во всяком случае, удаляться от подания Портой Османской подозрения, что мы ищем с нею повода к ссорам. Павел I»[47]. То есть российский император понимает и подтверждает, что другим крупным игроком на кавказской арене является не кто иной, как Османская империя.

Этот рескрипт наглядно характеризует политику России в отношении горских народов Северного Кавказа. Указание императора на Порту (Османская империя) следует рассматривать не столько как дипломатическую хитрость, но более как неуверенность в своих возможностях по укреплению влияния среди горцев. Россия, несмотря на заключенные ранее договоры, вынуждена была считаться с Турцией, которая не отказалась от своих притязаний и рассчитывала вернуть утраченные позиции на Кавказе. Любой повод мог быть использован турками для вмешательства. При этом следует отметить, что, несмотря на то что Османская империя постоянно декларировала свою близость к горским народам Северного Кавказа, при этом горцам какого-либо ощутимого результата ее деятельность никогда не приносила. Более того, из года в год горцы все более ожесточались в отношении позиции Турции и в 50-х годах XIX века не считали ее по-

тенциальным союзником[48]. На протяжении нескольких веков армия Османской империи ни разу не входила на Северный Кавказ с целью помочь горцам этого региона в их сопротивлении России. Хотя помощь посредством поставки оружия черкесам шла на постоянной основе до полного завоевания Северо-Западного Кавказа в 1864 году[49].

В отличие от Османской империи Персия лишь изредка пыталась активно влиять на политическую жизнь народов Северного Кавказа; ее интересы не простирались дальше Закавказья и части Южного Дагестана. Немалую роль здесь играла и приверженность горцев суннитскому направлению в исламе. Россия столкнулась с интересами Персии в тот момент, когда ее интересы на Кавказе стали основополагающей политикой в этом регионе, а именно в начале XIX века. В то же время двор персидского шаха внимательно следил за событиями на Северном Кавказе и пытался использовать по мере возможности события в Чечне и в Дагестане для нажима на Россию с целью ослабить ее позиции в южной части Кавказа[50].

Говоря о политике России в отношении Кавказа, Фадеев писал: «Между тем владычество на Черном и Каспийском морях, или в случае крайности хоть нейтралитет этих морей, составляет жизненный вопрос для всей южной половины России, от Оки до Крыма, в которой все более и более сосредотачиваются главные силы империи, и личные, и ма-

териальные. Эта половина государства создана, можно сказать, Черным морем… Но охранять свои южные бассейны Россия может только с Кавказского перешейка»[51].

При этом учитывалась также необходимость иметь союзника в борьбе против Османской империи и Персии, с помощью которого Россия хотела бы решить и ближневосточную проблему[52].

Новым толчком к активизации политики России на Северном Кавказе стало усиление ее позиций после победы над Наполеоном, что позволило вплотную заняться кавказской проблемой. Став на какое-то непродолжительное время государством, которое пыталось диктовать свою волю Европе, Россия явно переоценила свои возможности, которые оказались значительно ниже имперских амбиций.

Подписание мирных договоров с Османской империей (1812) и с Персией (1813) юридически подтверждало их отказ от притязаний на земли Северного Кавказа. Все это стало для России хорошим дополнением к разгрому Наполеона и победоносному маршу по Европе. Но, несмотря на это, Северо-Кавказский регион не переставал быть ареной острейших международных противоречий. Не прошло и трех лет, как чрезвычайный посол Персии Мирза-Абдул-Хасан представил в Петербурге меморандум от 2 февраля 1816 года с требованием отодвинуть российскую границу до Терека[53]. Россия отклонила все требования, подтвердив тем самым неже-

лание сдавать свои позиции, что привело к осложнению отношений между двумя государствами. Персия в последний раз попробовала что-то получить на Кавказе в ходе войны 1827–1828 годов и с тех пор ни разу не вела каких-либо войн в этой части региона.

А вот Османская империя не прекращала претендовать на изменение ситуации в этой части мира. До конца XIX века она успела принять участие в войнах 1828–1829, 1853–1856 и 1877–1878 годов, которые все и проиграла. Это подвигло Россию продвигать более глобальные планы. Император России уже не скрывал свои намерения овладеть на данном этапе и Константинополем[54].

На кавказской арене проходили многократные войны с Турцией и Персией. Антиколониальная борьба горцев не позволяла России полностью овладеть Кавказом и реализовать свои планы по дальнейшему продвижению на юг вплоть до середины 60-х годов XIX века. После завоевания Кавказа Россия уже не проявляла стремления к дальнейшему продвижению в этом направлении[55]. Завоевание Россией Кавказа в XIX веке не сделало его зоной бурного развития в рамках границ Российской империи. Основой развития здесь нефтяной промышленности стал как раз таки иностранный капитал.

С завоеванием Кавказа Россией в XIX веке интерес к региону со стороны различных стран не только не уменьшился, а, наоборот, усилился. Их интерес к региону увеличивался

пропорционально степени освоения залежей нефти, обнаруженных в этой части мира. То есть если до второй половины XIX века данный регион рассматривался как территория интересная для западных стран с точки зрения доминирования в Персии или оказания давления на Османскую империю, то со второй половины XIX века он становится ареной борьбы за нефть.

Иностранные компании в массовом порядке стали просить у местного наместничества лицензии на использование природных ресурсов. К началу XX века соотношение иностранного и российского сегментов в нефтяном бизнесе только в Чечне составляло 10 к 5[56]. В нефтяном бизнесе были задействованы крупнейшие мировые компании и банки. Одна из крупнейших фирм того периода «Ахвердов и К°» к концу XIX века полностью перешла в руки бельгийского капитала[57]. Впоследствии все активы были проданы компании «Нобель». Здесь же, на Кавказе, успешно развивались и компании «Ройял Датч Шелл», «Ойл», французская «Новый русский стандарт», Англо-Русское Максимовское общество[58], Ротшильдов[59] и многие другие. Не говоря о том, что почти вся транспортировка кавказской нефти производилась англичанами на своих танкерах через порты Батуми или Новороссийска[60]. Англия, Германия и Франция видели в Кавказе не просто регион, недавно завоеванный Россией, а место концентрации почти половины всей мировой нефти,

обнаруженной на тот момент. Это делало привлекательным присутствие их компаний. Многие европейские государства имели свои консульства в Тифлисе, Батуми, Владикавказе и Баку. Бизнес раньше понял ценность этого региона, чем политики иностранных держав.

По мере увеличения роли нефти в мировой экономике желание западных стран закрепиться на Кавказе выливалось в борьбу за него. Их пренебрежение этим регионом в период борьбы за независимость в первой половине XIX века сменилось соперничеством за как можно большее присутствие здесь своего капитала и защитой интересов своих фирм, в частности в нефтяных районах Грозного и Баку[61].

Одновременно заинтересованность западных стран пытались использовать и оппозиционно настроенные кавказские силы, которые формировались за счет тех, кто находился вне пределов Российской империи. Еще в 1914 году в Османской империи вынашивались планы по организации восстания черкесов и формированию Черкесского легиона для участия в боевых действиях против русских войск на Кавказском фронте[62].

Впоследствии на основе общих интересов грузинской, азербайджанской и северокавказской диаспор в Стамбуле было объявлено о создании Турецкой санитарной миссии, являвшейся, по сути дела, тайной организацией, объединяющей в своем составе кавказских активистов, стремящихся к независимости Кавказа. После вступления Турции в войну

упомянутая миссия официально была преобразована в Кавказский комитет, состоящий из представителей Северного Кавказа, Азербайджана и Грузии.

Президентом этого первого в истории Кавказского комитета являлся упомянутый нами Фуад-паша. Членами: черкес Азиз Мекер – активный общественный деятель кавказской диаспоры в Османской империи, профессор Стамбульской сельскохозяйственной академии; дагестанец Иса Котсеки-паша – бригадный генерал и санитарный инспектор Оттоманской армии; грузин князь Георгий Мачабели – председатель созданного в 1914 году в Берлине и к этому времени действующего также на территории Турции Комитета освобождения Грузии; лейтенант кавалерии Кямил Тавдгиридзе – представитель проживающих на территории Турции грузин-мусульман, а также азербайджанец Селим-бей Бебутов[63].

При активном участии кавказцев в 1916 году в швейцарской Лозанне была основана Лига нерусских народов России (Ligue des nationalités allogènes de Russie). На III конференции Союза национальностей (L'Union des Nationalités), состоявшейся в Лозанне 27–29 июня 1916 года[64], кавказцы выступили с обширными актуальными докладами по ситуации на Кавказе[65].

Более того, под эгидой немцев и турок на Северный Кавказ направлялись горцы с целью организации подрывной ра-

боты в отношении российской власти в регионе[66]. Контакты, приобретенные в рамках политической деятельности в Европе против российского самодержавия, помогали северокавказцам налаживать отношения с немецкими политиками. Позднее, в 1918 году, эти контакты оказались полезными и для самой Германии в ее действиях на Кавказе[67].

Османская империя активно использовала уроженцев Кавказа, оказавшихся здесь в результате мухаджирства в XIX веке. Потомки мухаджиров считали своим долгом нанести урон Российской империи, поэтому неудивительно, что в момент утверждения Горской республики Османская империя привлекала их в качестве военных специалистов для достижения своих целей в регионе[68].

Германская и Османская империи активизировались на Кавказе в годы Первой мировой войны. Обе державы рассчитывали, что смогут расшатать Российскую империю и изнутри, а не только боевыми действиями на фронтах.

При этом Франция и Англия только присматривались к региону и пытались найти себе союзников в противостоянии планам Германии и Османской империи[69]. Германия, имея свои интересы в этом регионе, не могла не учитывать, что ее союзница Османская империя имела куда больше влияния на этой территории исторически, тем более что часть ее была в определенные времена под контролем Блистательной Порты. Но для Германии, ведущей войну сразу на несколь-

ких фронтах, необходимо было иметь прочную базу в Закавказье, и в первую очередь в Баку. Западные страны, в лице Англии и Франции в первую очередь, с тревогой следили за активизацией политики Германии в регионе. Франция при этом внимательно наблюдала за действиями своей союзницы Англии, направленными на вытеснение немцев из региона и замену их своими войсками для контроля над стратегически важным районом. По мнению французского правительства, народы региона делились на три группы. К первой относились исповедующие ислам, они были более лояльны к идее союзничества с Османской империей. В то время как две другие группы – грузины и армяне – считали возможным оставаться в сфере влияния России, учитывая общехристианские ценности. При этом в своих донесениях французы указывали, что грузины и армяне были сильно подвержены российскому влиянию, так как они были более вовлечены в общероссийскую систему культуры, чем горцы[70]. Французское правительство, в отличие от английского, согласно было признать право кавказцев на свое видение будущего: создание ими независимых кавказских государств или федеративного кавказского го сударст ва, или государства в союзе с будущей Россией[71]. Официаль ный Париж пытался доминировать в регионе и посредством активизации католических сил в Закавказье, но это было слабым инструментом в силу того, что католическая церковь в Армении и в Грузии была

представлена ничтожно малой общиной[72]. Делая выводы из своей практики, французский генерал Лавиньи утверждает: в целом можно сказать, что Франция никак не представлена на Кавказе и не имеет плана по освоению этого региона в будущем[73].

В последнее время некоторые авторы, говоря о роли Запада в исследуемый период на Кавказе, совершенно неоправданно приписывают некую долю ответственности США[74], что на самом деле неправомерно. Приписывание США к исследуемому периоду связано с современным видением единой позиции Запада, чего не было в период Горской республики. Интерес США к данному региону возникает чуть позже.

Таким образом, в конце XIX и в начале XX века мир только начал интересоваться экономическим потенциалом[75] Кавказа, сойдя только с точки зрения этнографического или географического изучения. Этот фактор делал его близким и для стран Европы, и для США и Японии. Немаловажную роль здесь сыграли и стремительное развитие нефтяной промышленности, и перспективы ее развития в мировой экономике в ближайшем будущем.

Первая мировая война и распад Российской империи (1914–1917)

Первая мировая война не просто коснулась Кавказа, ее фронт проходил по линии границы с Османской империей. Судьба Российской империи решалась на Западном фронте в непосредственных столкновениях с армией Германии и Австро-Венгрии. Однако было бы неправильно недооценивать и значение Кавказского фронта. Тем более что история уже доказывала: как только отношения России с Османской империей обострялись, на Северном Кавказе возникала активность, направленная против власти России в этой части Кавказа[76].

Кавказский фронт растянулся вдоль всей границы Кавказского края с Османской империей. Турки входили в военно-политический блок Центральных держав, объединяющий Германскую империю, Австро-Венгрию, Османскую империю, Италию (до 1915 года) и Болгарское царство (с 1915 года). Османская империя, бывшая до этого в союзнических отношениях с Англией и Францией, на этот раз не могла не использовать момент для нанесения удара по интересам России на Кавказе. Имея в своем распоряжении полуторамиллионную кавказскую диаспору, Османская империя рассчитывала, уже в который раз, одержать реванш в войне с Рос-

сией[77].

С вступлением в войну Османской империи на Кавказском фронте российским командованием были определены два основных направления: Карское направление (Карс—Эрзерум) – около шести дивизий в районе Ольты – Сарыкамыш, и Эриванское направление (Эривань – Алашкерт) – около двух дивизий и конница в районе Игдыря. Именно здесь воевал и будущий командующий Добровольческой армией на Северном Кавказе генерал-лейтенант Ляхов[78, 79].

Османская империя, подталкиваемая Германией[80], сосредоточила на Кавказском фронте 3-ю армию под командованием Гасан-Иззет-паши. Она включала три армейских корпуса (9, 10 и 11-й), 1 кавалерийскую, 4 курдские дивизии, пограничные и жандармские войска (всего 100 батальонов, 165 эскадронов и курдских сотен, 244 орудия). Для усиления армии из Месопотамии подтягивалась 37-я пехотная дивизия 13-го корпуса. Основные силы армии были сосредоточены в районе Эрзерума[81].

Русские силы на этом театре представляла Кавказская армия под командованием наместника царя на Кавказе графа Воронцова-Дашкова, при фактическом руководстве начальника штаба армии генерала Н.Н. Юденича[82]. К началу военных действий Кавказская армия включала в свой состав 1-й Кавказский, 2-й Туркестанский корпуса и отдельные соединения: 66-ю пехотную дивизию, 2 казачьи дивизии, 2 бри-

гады и другие части. Общая численность Кавказской армии составляла 153 батальона, 175 сотен, 12 саперных рот, 350 полевых орудий и 5 батальонов крепостной артиллерии (всего свыше 170 тысяч человек)[83].

Общая протяженность Кавказского фронта от Черного моря до озера Урмия составляла 720 километров[84]. При этом Османская империя, как и в предыдущих войнах с Россией, вновь потеряла часть своих территорий[85].

На момент развала Российской империи в 1917 году русские войска на Кавказском фронте насчитывали 183 775 штыков, 31 834 сабли, 8009 офицеров, 1057 пулеметов, 591 орудие[86].

Последняя война не обошла стороной и Северный Кавказ. Хотя фронт и не проходил по территории Северного Кавказа, представители горских народов были задействованы в боевых действиях российской армии против стран Центрального союза. Более того, фронт проходил в Закавказье, что делало весь Кавказский регион сопричастным к войне. Следует упомянуть и участие горцев в войне, в составе Кавказской туземной конной дивизии[87], более известной как Дикая дивизия. Она была сформирована на основании высочайшего указа 23 августа 1914 года на территории Северного Кавказа и укомплектована добровольцами-горцами. Дивизия включала в себя шесть полков четырехсотенного состава: Кабардинский, 2-й Дагестанский, Чеченский, Татарский (из жите-

лей Азербайджана), Черкесский и Ингушский[88]. Возглавил эту дивизию родной брат императора великий князь Михаил Александрович[89].

Через школу Кавказской туземной конной дивизии прошло несколько тысяч северокавказцев[90]. В том числе и те, кто впоследствии стали заметными фигурами на политической арене Северного Кавказа: чеченцы А.-М. Чермоев и Б. Тукаев, Ахмет-хан Эльдаров, кумык Нух-бек Тарковский, черкесы А. Шарданов и Килыч (Клыч) Султан-Гирей, кабардинцы К.Н. Хагандоков и Н.Ф. Бекович-Черкасский, абхаз Хаитбей Шервашидзе, ингуш С. Мальсагов и многие другие. Все они будут пытаться использовать свой опыт в решении судьбы своего края и после распада Российской империи.

Первая мировая война разорила Российскую империю в целом. Неудивительно, что российское правительство в лице большевиков больше боялось не столько внешних врагов, сколько внутреннего бунта[91]. Именно этим была обусловлена необходимость подписания заведомо проигрышного мира с Германией и Османской империей. Россия стояла на грани полного развала в результате как действий Белого движения, так и интервенции западных держав. И в этом Северный Кавказ не стал исключением: регион был полностью вовлечен в гражданскую войну, развязанную большевиками роспуском Учредительного собрания.

Общественно-политическая ситуация на Северном Кавказе накануне провозглашения Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана

Министерство иностранных дел Франции после официального развала Российской империи стало более внимательно присматриваться к Кавказскому региону. В донесениях на имя министра указывается, что данный регион с семимиллионным населением, включающим в себя территории Тифлисской, Кутаисской, Елисаветпольской, Бакинской, Карской, Батумской, Эриванской, Дагестанской областей с центром в Тифлисе представляет собой значимую часть старой империи. Французы понимали, что в этом районе им придется вести усиленную работу против интересов немцев и турок. Они понимали, что Османская империя опирается на мусульманскую часть региона. Сами они пытались делать ставку на христианскую часть населения: армян и грузин. Эта политика преподносилась как попытка обезопасить эти народы от возможного давления со стороны Османской империи, у которой были свои постоянные интересы на Кавказе на протяжении нескольких последних веков[92].

Не менее сильным конкурентом, по мнению французско-

го МИДа, была Германия, которая рассматривала данный регион с точки зрения возможности контролировать магистрали, связывающие Европу с Персией и Индией. Однако действия немцев и турок в регионе столкнулись с активной позицией армян и грузин, которые сумели организовать местную милицию и армейские подразделения, первое время поддерживаемые многочисленными русскими частями в регионе и казаками, чтобы противодействовать политике Османской империи и Германии в этой части мира. Но именно Германии и Османской империи удалось за короткий срок первыми закрепиться на Кавказе[93]. Однако впоследствии проигрыш Германии в Первой мировой войне в 1918 году заставил ее, а также ее союзницу Османскую империю в срочном порядке покинуть регион. Кавказ, бывший «бульваром России на Ближний Восток»[94], стал для европейских стран в этот период предметом раздора, даже среди союзников (Германия пыталась обыграть Османскую империю, Англия – опередить Францию).

Чуть иначе мировыми державами рассматривался регион по ту сторону Главного Кавказского хребта – Северный Кавказ. Северный Кавказ, объединенный в Терскую, Дагестанскую, Черноморскую и Кубанскую области при Кавказском крае, представлял собой территорию от Черного моря до Каспийского. С севера он граничил с Астраханской губернией и Областью войска Донского, на юге был ограничен

Главным Кавказским хребтом[95]. Общая площадь его составляла 382 060 квадратных верст[96]. Одна только Терская область занимала 72 тысячи квадратных километров[97] с населением 1,3 миллиона человек, из которых горцы составляли примерно половину – 670 тысяч человек[98].

На момент распада империи наместником Кавказского края был великий князь Николай Николаевич. Губернаторами в подвластные ему края были назначены: в Черноморский – полковник П.И. Мартынов, в Дагестанский – генерал-лейтенант С.В. Вольский, в Кубанский – М.П. Бабич, в Терский – генерал-лейтенант С.Н. Клеймер[99].

Степень развития экономики в регионе сильно различалась. В городах, где преимущественно жили русские, шел заметный рост экономики за счет проведения и эксплуатации железных дорог и развития нефтяной промышленности[100]. Более того, некоторые города были выделены в отдельную административную единицу, например город Грозный. В этих городах запрещалось жить представителям коренных народов[101]. Исключения составляли фамилии, причисленные к дворянскому или купеческому сословиям.

При этом, на фоне запрета горцам свободно передвигаться, в регионе активно претворялась в жизнь политика русификации. Главнокомандующий гражданской частью на Кавказе Г.С. Голицын на совещании летом 1898 года в Тифлисе признал необходимым колонизацию Кавказа исключитель-

но переселением русских из внутренних губерний России[102]. Так, на конец XIX века только в Грозном процент переселенного из центральных губерний России населения составлял 62,9 %[103].

На самом деле такая политика вредила народам, проживающим здесь, поскольку перераспределение земель шло исключительно за счет горцев. Их участие в индустриализации было ограничено. Такого рода влиятельные люди, как миллионеры чеченец А.-М. Чермоев, кабардинец П. Коцев, балкарец Урусбиев, осетин А. Туганов и др., составляли исключение из правил, это были единичные примеры успешной интеграции в российскую государственность. И эти исключения допускала сама Россия, которой были нужны представители местной знати, полностью ориентированные на Петербург.

Экономика, образование и здравоохранение в регионе, населенном горцами, резко отличались в худшую сторону. На всю Чечню была только одна горская школа в Грозном, в ней на 1900 год училось только 144 ученика, но и среди них из числа мусульман было всего 47, то есть это могли быть кумыки и чеченцы, не факт, что большинство составляли чеченцы![104]

Не лучшим образом обстояли дела и в других районах Северного Кавказа. На фоне многочисленных мусульманских школ, которых в больших селах могло быть и несколько[105],

светские школы составляли единицы на весь округ. По отчету попечителя Кавказского учебного округа, на каждые 10 тысяч человек в Кутаисской области приходилось 5,6 училища, а в Дагестанской области – 0,41. Число учащихся на каждые 10 тысяч душ населения колебалось от 3,1 (Дагестанская область) до 416 (Кутаисская губерния), то есть от 0,31 до 4,16 %. Одно начальное училище приходится по народностям:

а) среди русского населения – на 3600 жителей;

б) грузинского – на 4800;

в) армянского – на 5400;

г) горского – на 11400[106].

Примерно такая же ситуация сложилась и в области здравоохранения. К началу XX века из-за того, что четыре средних учебных заведениях региона (в Новочеркасске и Екатеринодаре – военно-фельдшерские школы, в Ростове-на-Дону и Ставрополе – фельдшерские) были платными, уровень доступности их для горцев оказывался минимальным[107]. До открытия в Екатеринодаре фельдшерской школы фельдшеров готовили при войсковых госпиталях, а также за пределами Терской области, так как на территории области медицинских школ для подготовки фельдшеров не было. Горская молодежь для получения фельдшерского образования направлялась, как правило, в Тифлисскую фельдшерскую школу, учрежденную при военном госпитале, а также в Екатери-

нодарскую фельдшерскую школу[108]. Первый дипломированный доктор из числа кабардинцев Исмаил Шаков станет первым из горцев, кто открыл свой персональный кабинет врача в Грозном, и он же будет в числе тех, кто возглавит борьбу за установление Горской республики на Северном Кавказе.

Однако самым насущным и наиболее болезненным для горцев был земельный вопрос. Именно здесь интересы горцев кардинально расходились с интересами местного казачества и русского городского населения края. Соотношение земель у горцев и казаков разнилось в десятки раз в пользу последних[109].

Немало вопросов вызывала и общая ситуация в регионе, где наблюдался явный переизбыток оружия на руках у горцев. По данным справки, составленной летом 1917 года, с началом Первой мировой войны горцы активно скупали оружие. Стоит отметить, что речь идет не о простом оружии, с 1915 года горцы отдавали приоритет нарезному оружию, преимущественно австрийского производства[110]. Оружие закупалось у русских военных, которые приезжали с Западного фронта из Украины. При этом указывалось, что больше всего продажей оружия и патронов к ним занимались те, кто числился в Дикой дивизии. Соответственно, это приводило к увеличению количества столкновений местного населения с казаками и военными именно с применением огнестрельного оружия.

Первый съезд Союза горцев Северного Кавказа

Известие из Петрограда о революции пришло во Владикавказ 1 марта, но, до выяснения обстоятельств, наказной атаман Терского казачьего войска генерал Сергей Николаевич Флейшер огласил его только 4 марта[111]. Как только общественности во Владикавказе стало известно о том, что российский император Николай II отрекся от престола и власть перешла в руки Временного правительства, различные политические силы на Северном Кавказе в срочном порядке начали обсуждать ситуацию на местах. Буквально на следующий день, 5 марта, на квартире известного во Владикавказе балкарского адвоката Басията Шаханова собрались те, кого можно было бы отнести к горской интеллигенции. Было решено немедленно начать процесс по взятию власти в свои руки. По словам полковника М. Джафарова, уже в начале марта в Дагестане активно обсуждалось, стоит ли признавать Временное правительство или надо отмежеваться от него принципиально, как от преемника царской власти[112].

Это непонимание момента, по словам дагестанского участника событий Алибека Тахо-Годи, продолжалось в Дагестане почти месяц. Именно по этой причине первоначально было решено даже оставить номинально при должности

ставленника царской власти губернатора Дагестанской области Владимира Ермолова, переподчинив его Временному правительству[113]. Это решение Дагестанской области было тем более странным на фоне того, что последний кавказский наместник великий князь Николай Николаевич в срочном порядке покинул Тифлис уже 7 марта 1917 года в надежде, что может быть принят Временным правительством в Ставке под Могилевом[114]. С его отъездом власть на Кавказе оказалась на короткое время парализованной. Мало кто осознавал, что на самом деле происходило в Петрограде.

Во Владикавказе уже 8 марта 1917 года был создан Совет рабочих депутатов, который также первоначально под давлением местного чиновничьего аппарата бывшей царской России смог добиться его признания Временным правительством[115]. Здесь же Областной исполнительный комитет возглавлял эсер К. Мамулов. Комиссаром Временного правительства на недолгое время стал депутат Госдумы от Терского казачества есаул Михаил Караулов[116]. Выбор делался в пользу тех, кто уже отличился на общественной или военной службе. Поэтому неудивительно, что многие из тех, кто служил при царе на Северном Кавказе, оставались лидерами и после его свержения[117]. На то было несколько причин, одна из которых – дефицит кадров национальной политической элиты. Те немногие, кто получил образование в Москве и Санкт-Петербурге, других городах, пользовались неподдель-

ным уважением среди горцев. Именно им предстояло отвечать за те преобразования, которые выпали на долю их народов в связи с Февральской революцией в России. Отзвук российских проблем быстро проявился на Северном Кавказе. Это проявление не было связано с какими-то революционными действиями[118]. Речь идет об отзвуке на действия в Петрограде, реакцией на формирования органов властей.

В первых числах марта 1917 года политическая элита горцев не совсем понимала ситуацию, которая сложилась в центре. Это касалось и тех, кто впоследствии стал известен в качестве одиозных фигур из числа устанавливавших советскую власть на Тереке и в Дагестане.

Для всех смена власти в России оказалась неожиданной, и на местах не были готовы к такого рода изменениям. Именно этим можно объяснить, что и во Владикавказе (центр Терской области), и в Темир-Хан-Шуре (Дагестанская область) новые власти на местах принимали половинчатые решения, оглядываясь на Временное правительство. В тот период трудно было понять, кто социал-революционер, кто большевик, кто меньшевик[119]. Разница политических воззрений на происходящее была настолько незначительной, что каждая партия уверенно считала всех своим электоратом. Грозненский секретарь большевиков Н.Ф. Носов в июле 1917 года писал в Москву: «Среди рабочих много социал-революционеров и меньшевиков, но они рассуждают так, что не похожи ни на социал-революционеров, ни на меньшеви-

ков: все большевики»[120]. Поэтому непомерная большевизация истории Северного Кавказа периода распада царской России не имела исторического основания и носила исключительно пропагандистский характер.

Большевиков как таковых в регионе не было. Во всем Северо-Кавказском регионе рабочий класс, как основа революционного пролетариата, присутствовал только на нефтяных разработках в пределах Грозного. В других частях Северного Кавказа эта часть общества была представлена ничтожно мало. Крестьянство на Северном Кавказе в этот период вряд ли вообще подозревало, что существуют какие-то политические партии, иная власть, кроме «белого царя» и мусульманского духовного лидера. Не была исключением и партия «Кермен» в Северной Осетии, которую вряд ли можно уверенно причислять к крестьянству, ведь ее создатели были сами из местной интеллигенции, хотя и указывали на свое крестьянское происхождение[121]. Жесткую позицию высказывал осетин Ахмед Цаликов, который считал, что в этой партии мало кто имеет отношение к беднякам, тем более что они, как функционеры, ежемесячно получали зарплату[122].

Разброс мнений у политических партий на Северном Кавказе в этот период не был таким большим, каким он стал впоследствии по мере усиления власти коммунистов после Октябрьской революции 1917 года. Трудно было отличить в регионе эсера от социал-демократа, большевика от мень-

шевика, федералиста от монархиста. Все крутилось вокруг единства с Россией. Разница в платформах могла затрагивать только формы федерации горцев с Россией. Да и сами общественные деятели региона еще не определись к этому времени до конца в своих политических взглядах. В течение двух-трех лет после свержения царизма на Северном Кавказе мы наблюдаем изменение политических пристрастий у многих деятелей революционного периода (А. Шерипов, А. Цаликов, М. Халилов, Ибрагим Чуликов, П. Коцев, В.-Г. Джабагиев и многие другие).

Таким образом, на историческом переломе, уже буквально через несколько дней после получения информации об отречении императора (2 марта), во Владикавказе был образован Временный ЦК объединенных горцев Северного Кавказа (6 марта 1917 года). Возглавил орган новой власти юрист по образованию, балкарец по национальности Б. Шаханов.

Практически одновременно, не имея информации с мест о том, что происходит на родине, северокавказцы, проживающие в Петрограде, организовали свой Особый комитет горцев Северного Кавказа, куда вошли все, кто работал или учился на тот момент в столице. Это член Госдумы Магомед Далгат, председатель мусульманского благотворительного общества Мухамед-Захид Шамиль, председатель Общества распространения образования среди мусульман Петрограда В.-Г. Джабагиев, А. Цаликов, М. Пензулаев, М. Али-

ев, И. Алтадуков, Х.-М. Магомедов, Б. Пуматов и др. Члены данного комитета обратились к народам Северного Кавказа с призывом организовать власть на местах и стремиться закрепить свободы, провозглашенные Временным правительством[123].

Чуть позже в регионе стали создаваться национальные советы: Чеченский, Ингушский, Осетинский, Балкарский, Кабардинский и др., их задачей на этапе исторических перемен было защитить чисто этнические интересы[124]. Но этого было мало, каждая этническая общность нуждалась в более высокой форме устройства, где ее интересы могли бы быть представлены и обогащены сотрудничеством с другими. Именно такой формой мог стать Союз горцев Северного Кавказа и Дагестана. И уже этот орган искал форму сотрудничества с соседями по региону в попытках противостоять общему врагу. То есть эволюция жизни горцев происходила обычным путем и не была чем-то исключительным для того времени.

Тем временем 9 марта в Темир-Хан-Шуре состоялся митинг, на котором было решено образовать Временный Дагестанский областной гражданский исполнительный комитет. Его председателем стал Зубайр Темирханов, инженер по образованию, кумык по национальности. Такого же рода комитет был создан и в Терской области.

В итоге в регионе власть одновременно была представлена в лице комиссаров Временного правительства, Советов, исполкома и Союза горцев. Неудивительно, что население не

понимало, кто и за что ответствен. Союз горцев активно начал свою работу и на каком-то этапе стал доминирующим органом[125]. Именно он стал ускорителем революционных процессов на Северном Кавказе.

После этого по всему региону в марте – начале апреля прошли локальные съезды: в Ингушетии – 6 марта, в Дагестане – 9 марта, в Чечне – 14 марта, в Карачае – 21 марта, в Кабарде и Балкарии – 27 марта, в Осетии – 6–8 апреля, на Кубани – 19–22 апреля, в Хасавюртовском округе из-за разногласий горцев с казаками не смогли договориться о создании органов новой власти[126]. Уже на этих съездах определились лидеры: А.-М. Чермоев, Э. Алиев, А. Мутушев – в Чечне; В.-Г. Джабагиев, С. Мальсагов – в Ингушетии; П. Коцев, Наурузов, Атажукин – в Кабарде; Урусов – в Карачае; Б. Шаханов – в Балкарии; Мистулов, Хабаев, Кибиров – в Осетии; М. Халилов, Н. Тарковский, Н. Гоцинский – в Дагестане. Постепенно на политическую арену выходили новые люди, которые становились лицом эпохи.

14 марта определились и казаки терского казачества, выбравшие своим атаманом есаула М. Караулова, одновременно остававшегося в должности комиссара Временного правительства в крае[127].

Новые власти на первых порах финансировались меценатами. Ими были чеченский нефтепромышленник А.-М. Чермоев, азербайджанцы Гаджи Тагиев и Мирза Ассадулаев и

др. Соответственно, это не могло не сказываться на работе новых властей. Их действия были ограничены их финансовыми возможностями.

Исполнительный комитет чеченского народа, возглавляемый Ахметханом Мутушевым, уже 28 марта 1917 года направил телеграмму центральным властям в Петроград с требованием отозвать и сменить всех начальствующих лиц в Грозненском округе и в других округах, где проживают чеченцы[128]. И две недели спустя, 10 апреля, ушла телеграмма[129] с требованием не принимать никого, кто не был бы уполномочен чеченским исполкомом. То есть на местах уже пытались сосредоточить власть в руках вновь избранных исполкомов, и для нейтрализации старых чиновников уведомляли власти в Петрограде о формировании новых структур на местах. Первым делом были распущены приставы и местные старшины от старой власти[130].

Временный ЦК Союза горцев Северного Кавказа назначил Общегорский съезд на 1 мая 1917 года во Владикавказе. На нем собрались представители Дагестана, горской части Терской области (Назрановский, Нальчикский, Владикавказский, Грозненский, Веденский и Хасавюртовский округа), Ногайского участка Терской области, Кубанского Горского областного комитета и Кубанского Горского областного совета, исполнительных комитетов ногайцев и караногайцев Ставропольской губернии. Речь шла о террито-

рии, населенной горцами от Черного моря до Каспийского моря. Это удалось сделать впервые за всю историю существования народов Северного Кавказа[131].

Первый съезд горских народов Северного Кавказа был представлен депутатами от всех народов и народностей региона. Каждый депутат должен был избираться от 5 тысяч человек. В случае, если такого количества по каким-то причинам не набиралось, разрешалось выбирать и от меньшего количества избирателей[132]. Право голоса предоставлялось представителям обоего пола, по достижении 20-летнего возраста[133]. То есть в избирательном вопросе горцы продвинулись дальше, чем некоторые европейские страны и США[134].

В сообщении о созыве Первого съезда горских народов Кавказа указывалось, что съезд должен закрепить будущее горцев на принципах «разумного демократического начала»[135].

Открыл съезд Б. Далгат[136], который и был председателем первого дня съезда. Он предоставил слово Б. Шаханову[137].

Съезд интересен своей политической составляющей. Все выступления на Первом съезде были выдержаны в контексте того, что революция в России дала возможность горцам исправить историческую ошибку и позволила самим определять свое будущее. Но будущее все выступающие видели только в рамках единого федеративного государства с Россией. Выборы ЦК Союза горцев и его решения стали первы-

ми шагами к образованию самостоятельного, вне рамок Российского, государства.

В телеграмме на имя членов Временного правительства М.В. Родзянко, Г.Е. Львова и Н.С. Чхеидзе говорилось, что съезд представителей всех горских народов выражает свою поддержку новым властям в России и ждет от них построения демократического государства и заключения федеративного договора[138].

Съезд постановил избрать ЦК Союза объединенных горцев, который должен был стать постоянным органом претворения в жизнь идей и решений съезда. Председателем и тем самым первым его руководителем был назначен А.-М. Чермоев.

В резолюции съезда первым пунктом стоял вопрос о войне с Германией, указывалось на необходимость ее быстрейшего прекращения. Вторым пунктом утверждалась поддержка усилий Временного правительства. В пункте 6 предлагалось разрешить горцам носить оружие на основе их традиций и обычаев. Также в резолюции подчеркивалась необходимость организации в крае народной милиции[139].

В политической части резолюции съезда говорилось, что он признает Союз объединенных горцев частью «Великого Российского государства». Однако новая российская государственность должна быть федеративной по своему политическому устройству[140].

Стоит также отметить, что это было совместное заседание Первого Горского съезда и Второго войскового круга терского казачества. По инициативе Терского казачества предлагалось обсудить территориальное объединение горцев и казаков в рамках единого Союза горцев и казаков. На совместном заседании Горский союз и терское казачество продекларировали решение изменить устройство Терской области и образовать единое территориальное объединение горцев и казаков[141]. Это способствовало бы снятию напряженности в отношениях горцев и казаков в пределах одного территориального образования. Горцы стремились вернуть себе обратно земли, отторгнутые у них в период российской колонизации Кавказа во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Казаки же предполагали в рамках этого единого устройства остаться на тех же землях, на которых они были расселены в годы царской России. Однако события после съезда показали, что совместное проживание казаков и горцев будет проходить испытание временем. Практически с момента распада империи между казаками и горцами не прекращались столкновения из-за земельного вопроса.

Важным событием съезда 7 мая 1917 года стало принятие Конституции Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана[142]. Этот документ разъяснял принципиальные позиции, на которых Союз горцев предполагал создание государства на Северном Кавказе.

Съезд стал показательным. Горцы продемонстрировали,

что смогли быстро и вовремя сорганизоваться и предложить свои варианты устройства государства, образования, духовной жизни и аграрного сектора. Национальная элита северокавказских народов доказала свою политическую зрелость и умение решать задачи, возникающие на фоне наступающего всеобщего безвластия. Признаки беззакония начали проявляться и на Северном Кавказе. Чаще всего это было связано с действиями солдат, которые нападали на горцев под разными предлогами. Было решено направить на железнодорожные вокзалы, в города и станицы депутатов Совета рабочих и крестьян с целью изучения ситуации и обсуждения проблемы стычек горцев и солдат путем переговоров.

Пытаясь защитить языки народов Северного Кавказа от русификации, съезд рекомендовал всюду активнее использовать местные языки. Для этого планировалось провести реформу образования. Горцы уже тогда осознавали, что русский язык и так широко используется среди горцев и это может негативно влиять на сохранение местных языков. На основе доклада Саида Гаибова был рекомендован к рассмотрению проект, предусматривавший максимальное употребление родных языков народов Северного Кавказа. Предполагалось, что в начальных классах, где дети должны были учиться четыре года, образование должно вестись исключительно на родном языке. И только с третьего года предлагалось вводить арабский и русский языки. В высшей начальной школе, которая также была рассчитана на четыре года, образо-

вание велось опять же только на родном языке, но с первого же года вводился и тюркский язык. Для всех горцев Кавказа за основу должен был быть принят арабский алфавит с прибавлением лишь тех букв, которых нет в арабском алфавите, с непременным условием, чтобы одинаковые звуки в языках горцев обозначались одинаковыми начертаниями[143]. Таким образом, русский язык отодвигался на второй-третий план, и делалось это осознанно, чтобы ослабить влияние России на народы Северного Кавказа.

Съезд по праву можно назвать историческим не только потому, что он был первым, но и учитывая полноту его политического содержания.

Итоги съезда свидетельствуют, что ни один деятель мусульманского духовенства не был избран ни членом, ни кандидатом в члены ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. И это несмотря на то, что на съезде присутствовали известнейшие шейхи того времени из числа чеченцев и дагестанцев. Более того, Духовный совет мусульман Северного Кавказа, возглавляемый Наджмутдином Гоцинским, не был частью ЦК Союза объединенных горцев, это была исключительно самостоятельная организация, которая тем самым должна была зафиксировать светский подход к решению вопроса о Республике горцев. То есть фактически провозглашался принцип отделений религии от власти. Власть показывала свое желание быть свободной от давления со стороны мусульманского духовенства. Создание от-

дельного Духовного совета позволяло правительству оградить себя от вмешательства в его дела со стороны шейхов. При этом, разумеется, даже горская национальная элита не посмела бы отказаться от принципов шариата как судебного права, так как осознавала, что это важная особенность общественного развития горцев региона. Но наличие десятков духовных лиц из числа шейхов, имамов и кадиев не является показателем его религиозности. Делегаты выбирались по принципу доверия населения, и их выбор духовного лица, живущего среди них и вникавшего в их вопросы, был очевиден: эта фигура, по сути, заменяла все остальные институты. Однако Первый съезд точно не был мусульманским, в отличие от Андийского (внеочередного) съезда.

Съезд отметил, что «Союз Горцев Кавказа объединяет все горские племена Кавказа, а также ногайцев и туркменов, является членом Кавказского Мусульманского Союза… Сознавая себя нераздельной составной частью Великого Российского государства, горцы, как для общего блага их Родины России, так и для собственного их блага и счастья, в данный революционный период ставят во главе всех задач упрочение завоеванных свобод и обеспечение свободного развития освобожденного от гнета государства…»[144]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.